

ПАНФИЛОВ В. С.

СЛОВО И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Лексическая единица и грамматическое слово¹

Термин «слово» употребляется в самых разных разделах языкознания, у каждого из которых свои задачи и свои системы понятий. Такое недифференцированное употребление термина ведет к его многозначности, если не сказать омонимии, когда одному и тому же означающему соответствуют принципиально различные лингвистические реальности [1]. С лингвистической точки зрения наиболее существенно разграничить лексикологический и грамматический подходы к слову, закрепив это разграничение терминологически. Условимся в связи с этим сохранить за термином «слово» грамматическое содержание, которое будет рассмотрено ниже, а термином «лексическая единица» будем обозначать то, что С. Е. Яхонтов именуется словарным словом, — всякое образование, которое по характеру своего значения должно отдельно учитываться в словаре [2]. Из этого определения, между прочим, следует, что лексическая единица не имеет единого грамматического статуса: она может быть выражена грамматическим словом (*вокзал; Москва*), словосочетанием (*железная дорога; Нижний Новгород*), предложением (*Ты же едешь — дальше будешь*). Лексическая единица может быть представлена и частью слова, т. е. морфемой при словоцентрическом понимании последней (см., например, именные и глагольные приставки в словаре под ред. Д. Н. Ушакова).

Поскольку мы условились закрепить за термином «слово» чисто грамматическое содержание, есть смысл обозначить лексическую единицу, выраженную грамматическим словом, каким-нибудь специальным термином, например, «лексема». Такое терминологическое размежевание предпочтительнее, чем освященное традицией параллельное употребление термина «слово» в лексикологии и грамматике, способствующее неверному выводу, что речь идет об одном и том же явлении, рассматриваемом под разными углами зрения. Между тем далеко не каждое грамматическое слово требует фиксации в словаре и является, таким образом, лексемой (в предложенном понимании), как и не каждое словосочетание, тем более предложение представляет собой лексическую единицу. Существенный признак последней — индивидуальное значение, непредсказуемое и невыводимое, так что все, связанное с действием общих правил, регулярное, выводимое не входит обычно в компетенцию словаря.

Слово как грамматическая единица есть несвободная конструкция, организуемая иерархически и обладающая определенным лексическим значением. Первый из перечисленных признаков имеет целью ограничение слова от сочетания слов, тогда как второй (иерархичность организации) необходим для выявления компонентов слова, различающихся по своим внутрисловным функциям. Рассмотрим эти признаки подробнее.

Под конструкцией в данном случае понимается некоторая последовательность единиц морфемного уровня, которая должна быть подвергнута проверке с помощью процедур изотипной замены и вставки фразового слова². Изотипная замена представляет собой формально-семанти-

¹ В статье принята следующая нумерация вьетнамских тонов: 1 — верхний ровный, 2 — верхний нисходящий (∨), 3 — нисходяще-восходящий прерывистый (∩), 4 — вопросительный (?), 5 — восходящий напряженный (∕), 6 — тяжелый (·).

² О понятии «фразовое слово» см. [3]. Описываемые процедуры достаточно широко известны в современном востоковедении, и речь идет лишь об их приложении к вьетнамскому материалу в определенной последовательности.

ческую процедуру, состоящую в том, что элементы конструкции заменяются единицами того же ассоциативного ряда, в частности, единицами, выступающими как видовые по отношению к некоторому родовому понятию. Таким образом обеспечивается сохранение и определенного общего значения исходной конструкции, и характера связи между ее составляющими. Так, в конструкции *tao⁵ xan^{h1}* «зеленое яблоко» вместо элемента *tao⁵* «яблоко» можно употребить название любого другого плода, а вместо *xan^{h1}* «зеленый», отвлекаясь от ограничений денотативного порядка, — название любого цвета, поэтому относительно данного примера конструкция *lê¹ vang²* «желтая груша» является правильной изотипной заменой.

По критерию изотипной замены и вставки фразового слова замечаются следующие ступени перехода от несвободных конструкций к свободным:

1) Несвободные конструкции: ни один из элементов не поддается замене. Примером может служить последовательность *tho⁶ bac⁶* «ювелир» («мастер» + «серебро»), в которой вместо первого компонента нельзя употребить, допустим, морфему *thây²* «учитель», а вместо второго — название какого-либо другого металла.

2) Конструкции, в которых только один из элементов поддается замене. Если конструкция не допускает вставки фразового слова, то она несвободная и, как правило, представляет собой сочетание корня с некорневым формантом, как например, слово *chung⁵ tôⁱ¹* «мы», состоящее из аффикса мн. числа *chung⁵*, не допускающего замены, и корня *tôⁱ¹* «я», на месте которого могут находиться морфемы *min^{h2}* «я», *may²* «ты», *no⁵* «он»... Конструкция, допускающая вставку фразового слова (*voⁱ⁵ anh¹* «с тобой» → *voⁱ⁵ hai¹ anh¹* «с вами двумя»), является свободной и, как правило, представляет собой сочетание знаменательного слова со служебным.

3) Свободные конструкции: каждый из элементов поддается замене (*đi¹ tru^o'ng²* «идти в институт»).

Вопрос об иерархической организации слова возникает постольку, поскольку речь идет об объединении единиц морфемного уровня в рамках более сложного образования, которое в структурном плане может рассматриваться независимо от материальной природы составляющих. Здесь до известных пределов уместна аналогия с синтаксическими идеями современной лингвистики, разграничивающей предложение как иерархически организованную структуру и высказывание как материальную реализацию этой схемы подчинения. Анализ предложения, проводимый в терминах функциональных единиц, членов предложения, позволяет установить основные его модели в отвлечении от бесконечного многообразия конкретных высказываний. Точно так же выявлению способов построения номинативных единиц языка подчинен и анализ слова в терминах внутрисловных функциональных единиц — корня, словоизменятельных и словообразовательных формантов.

Корень — неотъемлемый структурный элемент слова, без которого слово так же невозможно, как предложение без сказуемого, и подобно тому, как предложение может исчерпываться сказуемым, материально представленным одним словом [4, с. 71—72], грамматическое слово в минимальном варианте может быть представлено только корнем, материально выраженным одной морфемой. Таковы, в частности, все односложные фразовые слова. При более сложной структурной организации слова основой признак корня — незакрепленность его позиции в составе слова: *город-ской, за-городный, при-город* [5, с. 534]. Элемент, занимающий единственную позицию в составе слова, также является корневым, если сочетается со связанной морфемой, ибо в этом случае невозможно соотнесение слова с каким-либо исходным (мотивирующим) словом, так что вопрос о словоизменении или словообразовании в синхронном плане отпадает. По данному признаку к корневым следует отнести морфему *bât⁵* «не» и морфему *vô¹* «не иметь» в словах *bât⁵ đông²* «несхожий», *bât⁵ hoá²* «неуживчивый», *vô¹ san⁴* «пролетарский», *vô¹ cớ¹* «неорганический» [ср. 6, с. 53]. Наконец, морфема, занимающая единственную позицию

в слове и сочетаясь с свободной морфемой, является все-таки корнем, если не создает единообразного семантического соотношения производных слов с исходными. Примером может служить морфема *phi*¹ «не» в образованиях *phi*¹ *thu*⁰ *o'ng*² «необычный» (*thu*⁰ *o'ng*² «обычный»), *phi*¹ *loi*⁶ «отребье» (*loi*⁶ «разряд»), *phi*¹ *kim*¹ *thuc*⁶ «металлоид» (*kim*¹ *thuc*⁶ «металл»).

Корню во вьетнамском слове противостоят словообразовательные форманты, грамматические особенности и способы выражения которых будут рассмотрены ниже.

II. Словообразовательный анализ

Словоизменение и словообразование, руководствуясь внутренней формой данных терминов и временно отвлекаясь от их реального, сложившегося в теории и практике лингвистических исследований смысла, можно определить как крайние звенья одной цепи: первое есть частный случай второго, второе — предельный результат первого. О словоизменении можно говорить до тех пор, пока те или иные модификации единицы, именуемой словом, не приводят к нарушению ее тождества. Словообразование — это такое видоизменение слова, которое ведет к нарушению его тождества и возникновению нового слова. Таким образом, разграничение словоизменения и словообразования упирается в вопрос о тождестве исходной единицы, которое, в свою очередь, конституируется признаками, содержащимися в определении слова.

Допустим, мы определим слово как последовательность букв между двумя пробелами. При таком определении тождество единицы конституируется только соотношением букв и пробелов. Нарушением этого тождества, т. е. «словообразованием» является либо пропуск буквы в слове, в результате чего одно слово распадается на два, либо вставка буквы между словами, ведущая к слиянию двух слов в одно. Что же касается «словоизменения», то таким чисто внешним варьированием, не нарушающим тождества слова, должно считаться увеличение или уменьшение числа букв в слове, в частности, замена одного слова другим, длиннее или короче заменяемого, безотносительно к соотношениям грамматического или семантического порядка, поскольку последние в исходном определении не учитываются.

Грамматическое слово определено выше как несвободная конструкция, организованная иерархически и обладающая определенным лексическим значением. Для решения вопроса о словоизменении и словообразовании рассмотрим возможные модификации грамматического слова и их воздействие на признаки, содержащиеся в исходном определении данной единицы. Минимальной модификацией является чисто формальное варьирование, не затрагивающее ни одного из признаков в определении слова, например, перестановка слогов в некоторых разновидностях вьетнамских слов: *ao*¹ *u'o'c*⁵/*u'o'c*⁵ *ao*¹ «желать», *ao*⁵ *quân*² *quân*² *ao*⁵ «одежда». В подобных случаях, естественно, нет оснований говорить ни о словоизменении, ни о словообразовании, а соответствующий феномен можно терминологически обозначить как фонетические варианты одного и того же слова. С другой стороны, возможно полное устранение одного из признаков исходной единицы, начиная с первого, т. е. превращение несвободной конструкции в свободную *bô*⁶ *me*⁶ «родители» → *bô*⁶ *va*² *me*⁶ «отец и мать», *ân*⁴ *liên*⁶ «мелькать» → *ân*⁴ *va*² *hiên*⁶ «исчезать и появляться». Хотя в подобных случаях исходное слово и распадается на два, ряд соображений все же препятствует квалификации процесса как словообразовательного в точном значении термина: процесс тривиален по словообразовательным результатам, представляющим собой уже существующие в языке номинативные единицы, и, кроме того, само направление процесса определяется только субъективным выбором исходной единицы и вполне может быть представлено как противоположное, т. е. движение от словосочетания к слову. Целесообразно поэтому считать, что в рассматриваемых примерах имеет

место параллельное воплощение сходной или одной и той же семантики в виде слова и в виде словосочетания.

Возможно полное устранение из слова лексического значения, что также трудно интерпретировать как словообразование в точном значении термина: единицы, обладающие только формальными признаками слова, не дают семантических оснований для соотношения с исходными (мотивирующими) единицами и в лучшем случае играют в языке лишь какую-то узковспомогательную роль, как вьетнамские асемантические вставки, используемые при декламации фольклорной поэзии [7]. В известном примере *Глокая куздра будланула бокра* представлены единицы, являющиеся результатом прагматически ориентированного эксперимента и построенные по аналогии с какими-то реально существующими словами, но с устранением номинативного аспекта.

Наконец, возможны изменения лексического значения без каких-либо формальных последствий (*bo⁶ đbi⁶* «армия» → «солдат», *ba⁴ vè⁶* «охрана» → «дружинник») или, наоборот, изменения иерархической организации слова без каких-либо семантических последствий (*chinh⁵ quyên²* → *chinh⁵ «власть», nha² cach⁵ mang⁵* → *cach⁵ mang⁶* «революционер»). Первый из этих процессов, будучи лишен формальных признаков, не входит в компетенцию грамматического анализа и может рассматриваться как словообразование только в лексикологическом плане. Второй, т. е. само по себе изменение иерархической организации слова, относится к грамматической сфере, занимая однако периферийное положение во вьетнамском словообразовании, поскольку подобные процессы представляют собой сокращение слова в речи, обусловленное грамматическим контекстом, способствующим однозначному пониманию сокращения.

За вычетом вышеизложенных модификаций остаются изменения иерархической организации слова, сопровождаемые некоторым семантическим сдвигом, — формально-семантические процессы, которые и составляют ядро вьетнамской словообразовательной системы:

— соединение нескольких корней (сложное слово): *may⁵* «машина» + *bay¹* «летать» → *may⁵ bay¹* «самолет»;

— соединение корня (нескольких корней) с деривационной морфемой (производное слово в узком значении термина): *điên⁶ khi⁵* «электричество» → *điên⁶ khi⁵ hoà⁵* «электрифицировать»;

— соединение корня с единицей неморфемного характера — субморфом³ (повтор): *lam²* «делать» → *lam² lung⁶* «трудиться».

Изменение иерархической организации слова безусловно является нарушением его тождества и с формальной точки зрения должно рассматриваться как словообразование. В этом смысле *стол, стола, столу, столом* суть разные слова, на чем в свое время настаивал еще А. М. Пешковский, считая, что их объединение в качестве форм одного и того же слова, строго говоря, не вполне корректно [9]. «Простецким» называл такое понимание формы Л. В. Щерба, добавляя, однако, что с ним, прочно укоренившимся в языке, было бы трудно вести войну [10, с. 19]. Несмотря на авторитет Л. В. Щербы и А. М. Пешковского, в русистике все-же бесповоротно утвердилась «простецкая» трактовка словоизменения, суть которой, очевидно, сводится к осложнению формального критерия тождества единицы семантическим — подход вполне оправданный, если только оба признака представлены в исходном определении слова как грамматической единицы. Такая постановка вопроса означает, что отграничение собственно словообразовательных средств от словоизменительных может проводиться только на семантической основе — так оно фактически всегда и делается, хотя вполне откровенное признание этого факта встречается, скорее, как исключение (см., например [11]).

Словообразование, понимаемое как формально-семантическое нарушение тождества слова, в результате чего возникает другое слово, есть движение от одной (исходной) единицы к другой (производной). Если принять во внимание еще и синхронический аспект исследования, то мы приходим

³ О понятии «субморф» см. [8, с. 84].

К идее синхронического словообразования — дисциплины, намеченной еще Л. В. Щербой в его разграничении грамматического и лексического подходов к словообразованию [10, с. 17]. Таким образом, трактовка словообразования в настоящей работе не должна вызывать никаких диалектических ассоциаций. История слова — это особый вопрос. «Интерес может быть проявлен в одних случаях к тому, как слово образовалось в действительности, каковы были его структура и состав при появлении в языке, в других — к тому, как оно воспринимается со структурной точки зрения и членится в тот или иной период истории, чаще всего на данном этапе развития языка» [12].

Предполагая анализ связей между словами современного языка, без выхода за его пределы, синхроническое словообразование имеет своим предметом только производные (в широком значении термина) слова, т. е. вторичные единицы, которые с позиций современного языка могут рассматриваться как результат применения какой-либо формальной операции к исходным (мотивирующим) единицам [13, с. 6]. Следовательно, сама процедура словообразовательного анализа сводится к делению слова на непосредственно составляющие путем сопоставления с существующим в современном языке исходным словом, в результате чего выявляются соответствующие словообразовательные модели. С учетом этого положения, а также теоретических установок морфемики в ее противопоставлении грамматической теории слова [8, с. 84—86] нетрудно убедиться в том, что морфемный и словообразовательный анализы — это две самостоятельные, не сводимые одна к другой процедуры, различающиеся и по исходному материалу, и по технике анализа, и по конечным результатам.

В свете изложенного становятся очевидными некоторые недостатки, характерные для подхода к словообразованию в грамматических исследованиях по вьетнамскому языку. Один из них — смешение диахронического и синхронического аспектов. Например, в грамматике Нгуен Ким Тхана слова китайского происхождения рассматриваются в словообразовательном плане отдельно от слов исконно вьетнамских [14], что может быть оправдано только исторически, ибо в синхронном плане существенно не происхождение слова, а его связи с другими словами современного языка.

Другой серьезный недостаток в трактовке вьетнамского словообразования — неразграничение словообразовательного и морфемного анализов. Все исследование вопроса в «Грамматике вьетнамского языка» пошло куда-то вкось именно по этой причине. Прежде всего, принципы словообразовательного анализа не были должным образом сформулированы, в связи с чем — явно неадекватное материалу положение, что «в области словообразования во вьетнамском языке существует противопоставление односложных и многосложных слов, основывающееся на чисто количественном факторе» [15, с. 13]. Между тем многосложные слова, по крайней мере, некоторые, допускают сопоставление со словосочетаниями [15, с. 13]. В многосложных словах выделяются «структурные элементы» [15, с. 21], между которыми «существуют разные виды связей» [15, с. 22], — все это явления качественного порядка, невозможные в односложном слове, так что «на чисто количественном факторе» основан только сам термин «многосложное слово» — демонстративно бессодержательный в словообразовательном плане.

По мнению авторов «Грамматик...», структурные элементы многосложного слова «выделяются на первой ступени последовательного членения слова, которое в конечном итоге приводит к его разбиению на слогоморфемы» [15, с. 21]. Это подчинение морфемного анализа словообразовательному резко противоречит суждению авторов о более легкой и естественной по сравнению со словом выделительности вьетнамской морфемы, ее первичности по отношению к слову [15, с. 12]. Еще труднее совместить подобное соотношение словообразовательного и морфемного анализов с развиваемой авторами слогоморфемной концепцией, утверждающей несловоцентрический подход к морфеме, в соответствии с которым морфема выделяется как некоторая единица т е к с т а, точнее даже не выделяется, но задается

значительно самим фактом деления текста на слоги, ибо «процесс разделения потока речи на слоги автоматически приводит и к разделению на морфемы» [15, с. 11]. При таком подходе даже если рассматривать слово как минимальный фрагмент текста, удобный для морфемного анализа, морфема должна выделяться путем немудреного проведения слоговых границ безотносительно к соотношениям словообразовательного порядка.

Структурные элементы многосложного слова авторы «Грамматики...», основываясь «на чисто количественном факторе», определяют как «наиболее крупные составные части слова» [15, с. 21]. Поскольку из такого определения невозможно извлечь словообразовательно релевантный принцип выделения структурных элементов, обратимся к иллюстративному материалу «Грамматики...», который достаточно ясно говорит сам за себя: если в слове $xa^3\ hoi^6\ chu^4\ nghia^3$ «социалистический» граница между структурными элементами проводится после второго слога, а в слове $vi^1\ ky^4\ luat^6$ «недисциплинированный» — после первого [15, с. 21], значит, деление проводится на том основании, что в современном языке существуют слова $xa^3\ hoi^6$ «общество», $chu^4\ nghia^3$ «доктрина», $ky^4\ luat^6$ «дисциплина». Это и есть синхронический словообразовательный анализ, основанный на сопоставлении производной единицы с исходной, а проводимое авторами противопоставление связей главных (между структурными элементами слова) и второстепенных (между составляющими самих структурных элементов) в более привычной терминологии вполне можно было бы интерпретировать как разграничение словообразовательного и морфемного анализов, чему, однако, препятствует тот факт, что «структурные элементы» и соответственно «главные связи» авторы усматривают и в производных словах, в том числе в транскрипциях типа $ra^1\ di^1\ o^1$ «радио» [15, с. 21]. Если бы связи между компонентами непродуцированных слов авторы назвали второстепенными (морфемными), это еще можно было бы как-то осмыслить в рамках слогоморфемной концепции, но постановка таких связей в один ряд с бесспорно словообразовательными лишает понятие связи по меньшей мере словообразовательного, скорее же — вообще какого бы то ни было лингвистического содержания. Слова типа $ra^1\ di^1\ o^1$ «радио», не допускающие словообразовательно обоснованного деления на непосредственно составляющие и вместе с тем каким-то образом содержащие даже более двух «структурных элементов», авторы объявляют чужеродными явлениями в системе языка [15, с. 21]. Это утверждение справедливо лишь исторически: в синхронном плане невозможно назвать чужеродным едва ли не основной пласт современной вьетнамской научной терминологии.

Теоретически авторы «Грамматики...» как будто сознают принципиальное различие между главными (словообразовательными) и второстепенными (морфемными) связями, заявляя, что «для описания многосложных слов существенное значение имеют лишь главные связи» [15, с. 23], что «для многосложного слова имеют значение лишь его структурные элементы, рассматриваемые как единое целое безотносительно к их внутреннему строению» [15, с. 40], однако вопреки этим тезисам второстепенные связи в их наилучшем — слогоморфемном — варианте загромаждают словообразовательный раздел «Грамматики...», выступая иногда в собственном обличье, иногда же, как при анализе слов типа $ra^1\ di^1\ o^1$ «радио» — в маскарадном костюме главных связей. Более того: второстепенные связи даже ставятся в какое-то соответствие с главными [15, с. 23]. Последнее вызывает ошутимое противодействие со стороны языкового материала, и авторам приходится констатировать, что некоторые вьетнамские слова допускают «нарушения языковых закономерностей» [15, с. 23].

Конечно, теоретические построения, предназначенные для упорядочивания языкового материала, всегда будут лишь относительным приближением к идеалу, оставляя место пограничным явлениям и не вполне ясным случаям, однако когда теоретическая изобретность представляет языковой материал как самому себе чужеродный и по части собственных закономерностей некомпетентный, теория тем самым полностью утрачивает приложимость к объекту, ради анализа которого она создавалась.

III. Сложное слово

Сложным будем называть слово, состоящее только из корневых морфем, как минимум — из двух. Основной вопрос, возникающий в связи с анализом сложного слова, — возможность его сопоставления со словосочетанием. В рамках синхронического словообразования такое сопоставление ориентируется на исследование структурно-семантических особенностей сложных слов безотносительно к истории их возникновения, поэтому применение данного исследовательского приема не предполагает происхождения слова от соотносительного с ним словосочетания.

Одна из крайних точек зрения по интересующему нас вопросу сводится к идущему от Г. О. Винокура определению сложного слова как соотносительного со словосочетанием, так что корни сложного слова повторяются в компонентах словосочетания. Противоположная точка зрения состоит в том, что сложное слово, даже если оно допускает расшифровку с помощью словосочетания, не должно рассматриваться в одной плоскости с последним [16, с. 164], а способ классификации сложных слов согласно тому, с какой частью речи ассоциируются входящие в их состав корневые морфемы, неправомерно переносит отношения синтаксиса в словообразование [17]. Как это ни странно на первый взгляд, следует принять оба крайних подхода, несовместимость которых оказывается мнимой, ибо каждый из них имеет свою сферу приложения. При всех несомненных различиях слова и словосочетания нельзя не считаться с тем, что некоторые разновидности слов не без труда, особенно на ветнамском материале, ограничиваются от словосочетаний. Например, образование типа *đanh⁵ chêt⁶* «избить до смерти» («бить» + «умереть»), *tim² thây⁵* «найти» («искать» + «видеть») одни авторы считают словами [6, с. 50], другие — словосочетаниями [15, с. 172]. Иногда даже говорят о принципиальном неразличении сложного слова и словосочетания при определенных условиях [18]. Очевидно, что слова обладают разной степенью близости к словосочетанию, начиная от нулевой, полностью исключающей сопоставление этих единиц, и кончая максимальной, делающей такое сопоставление неизбежным, поэтому в качестве первого шага необходимо выяснить, какие именно слова могут быть объектом сопоставления со словосочетанием.

По характеру входящих в их состав морфем вьетнамские сложные слова подразделяются следующим образом: а) состоящие из связанных морфем (*thao⁴ luân⁶* «обсуждать»); б) состоящие из свободной и связанной морфем (*sung⁵ tru¹ o'ng²* «винтовка»); в) состоящие из свободных морфем (*noi⁵ chuyên⁶* «беседовать») [15, с. 27]. Поскольку связанная морфема не может репрезентировать слово, сочетания связанных морфем, а также связанных морфем со свободными принадлежит диахроническому аспекту исследования, словообразование в сугубо традиционном смысле. Сложное слово, имеющее в своем составе связанную морфему, в синхронном плане может быть объектом только морфемного, но никак не словообразовательного анализа. Тем более неуместны (в синхронном плане) какие бы то ни было сопоставления подобных слов со словосочетаниями: связанные морфемы не могут классифицироваться по частям речи, а состоящие из таких морфем слова не поддаются развертыванию в словосочетания. Вопрос о сопоставлении сложного слова со словосочетанием может ставиться только применительно к словам, образованным посредством словосложения, т. е. такого соединения свободных морфем, которое приводит к образованию сложного слова: *may⁵* «машина» + *bay⁵* «летать» → *may⁵ bay⁵* «самолет»⁴. Именно в силу того, что свободные морфемы могут сами по себе репрезентировать слово, их соединение в составе сложного слова может в каком-то смысле быть охарактеризовано как сочетание слов, однако это своеобразное положение вещей — сочетание слов с одновременной утратой каждым из них статуса слова — придает особую остроту вопросу, до каких преде-

⁴ Ср. позицию «Грамматики вьетнамского языка»: наиболее типичным случаем построения сложных слов по моделям словосочетаний считаются слова китайского происхождения, содержащие морфемы, «которые большей частью выступают в языке как связанные» [15, с. 11—12, 28].

лов простирается изоморфизм сложного слова и словосочетания, какие из признаков словосочетания дают себя знать также и в сложном слове?

В литературе иногда подчеркивается, что в сложном слове, в отличие от соответствующего ему синтаксического оборота, синтаксические отношения устранены и показатели этих отношений изъяты, поэтому, скажем, нем. *Papierkorb* можно интерпретировать по-разному: *Korb für Papier*, *Korb aus Papier*, *Korb mit Papier* [13, с. 62]. Связь компонентов сложного слова может быть семантически не конкретизированной, так что бывает даже неясно, имеется ли в виду сочинительная или подчинительная связь [13, с. 66]. Вполне возможно одинаковое строение сложных слов независимо от того, соотносятся ли они с сочинительными или с подчинительными словосочетаниями: *урало-сибирский* (Урал и Сибирь), *западносибирский* (Западная Сибирь) [19]. Однако могут быть организованы сложные слова, соотносящиеся с подчинительными словосочетаниями разных типов: *снегоходный* (ходить по снегу), *теплоходный* (ходить с помощью тепла), *пешеходный* (ходить пешком) [19]. Некоторые авторы в связи с этим считают, что известная аналогия между сложным словом и словосочетанием возможна только в семантическом плане, и компоненты сложного слова могут быть соотнесены с такими содержательными категориями, как «носитель действия», «признак» и т. п. [20]. Целям семантического анализа должна служить и расшифровка сложных слов с помощью словосочетаний [16, с. 166].

Словосочетание — это соединение двух знаменательных слов, между которыми устанавливается определенный тип синтаксической связи. Синтаксическая связь — понятие двустороннее, формально-семантическое (подробнее см. [4, с. 66—68]). Достаточно взглянуть на формальные признаки различных типов синтаксической связи, чтобы убедиться в принципиальной невозможности некоторых из них в пределах сложного слова. Например, поскольку слово не может быть подвергнуто каузативной деривации, отпадает возможность предикативной связи между его компонентами. С другой стороны, атрибутивная связь вполне может обнаруживаться между компонентами сложного слова, в составе которого, таким образом, по критерию опущения устанавливается стопроцентная синтаксическая категория — определение [21]. Промежуточное положение занимает комплетивная связь: хотя ни один из формальных признаков дополнения не обнаруживается в составе слова, многие из слов с внутренней формой «действие — объект» легко утрачивают единство и превращаются в словосочетания (*lam² viêc⁶* «работать» → *lam² mô⁶ viêc⁶ nãng⁶* «выполнять тяжелую работу», *chup⁶ anh⁶* «фотографировать» → *chup⁶ cai⁵ anh⁴ đep⁶* «сделать красивый снимок»).

В сложных словах с сочинительной связью составляющих, конечно, не может быть выявлен основной признак сочинительной связи — одинаковое отношение элементов к третьему в составе более сложного синтаксического целого — однако сложные слова такого типа допускают расшифровку с помощью сочинительных словосочетаний, в которых повторяются компоненты сложного слова: *buôn¹ ban⁶* «торговля» = *buôn¹ va² ban²* «покупать и продавать»; *đo¹ đâ¹* «всюду» = *ca¹ đo¹ lãn³ đâ¹* «и там и здесь»; *ân⁴ hiên⁶* «мелькать» = *khi¹ ân⁴ khi¹ hiên⁶* «то исчезать, то появляться» [22].

Перечисленные формальные признаки могут быть установлены далеко не для каждого конкретного слова, в чем нет ничего удивительного, ибо отчетливая противопоставленность слова и словосочетания «на полюсах» не противоречит их трудноразличимости в других случаях. Степень близости слова к словосочетанию целесообразно оценивать по следующей трехступенчатой шкале:

1) Минимальная близость. Компоненты слова естественно характеризуются в терминах частей речи, однако связь их не допускает ни семантического, ни формального сопоставления со словосочетанием. Сюда относятся затруднительный для авторов книги «Вьетнамский язык» пример *trai¹ tre⁴* «моложавый» [6, с. 51] — соположение именного (*trai¹* «парень») и адъективного (*tre⁴* «молодой») корней, которое с учетом значения целого

не поддается семантической интерпретации в качестве атрибутивного сочетания. Сюда же следует отнести образования типа *nhu'ng¹ ma²* «однако» («но» + «а») — устанавливать какую бы то ни было синтаксическую семантику в соединении служебных слов было бы просто некорректно.

2) Средняя степень близости. Компоненты слова характеризуются в терминах частей речи, а его внутренняя форма (мотивировка) истолковывается с помощью типичной для словосочетания семантической связи при отсутствии формальных признаков соответствующего словосочетания. Примером может служить слово *sa² chua¹* «помидор» («баклажан» + «кислый») — семантически атрибутивное сочетание, ни в каком контексте не допускающее опущения «определения».

3) Максимальная близость. Слово характеризуется по категориальной принадлежности его составляющих и по синтаксическому значению их связи, допуская при этом тот или иной способ формального сопоставления со словосочетанием (примеры приводились выше).

Степень близости слова к словосочетанию имеет отчетливый семантический подтекст, отражая меру лексикализации той или иной единицы, поэтому классификация наподобие приведенной допускает и чисто лексикологическое истолкование, как это сделано в монографии Хо Ле применительно к сложным словам с сочинительной связью компонентов [23, с. 307].

IV. Производное слово

Производным (в узком значении термина) будем называть слово, образованное от другого слова с помощью словообразовательного (деривационного) аффикса согласно действующим в языке словообразовательным моделям. Исследователи единодушны в том, что сопоставление производных слов с исходными составляет необходимую предпосылку для их собственного лингвистического исследования, однако принципы такого сопоставления пока еще продолжают оставаться дискуссионными.

Существует мнение, что производность — одна, и если слово производно по смыслу, то оно вообще производно, т. е. производно и формально, хотя и может быть при этом формально менее сложно [24]. С другой стороны, некоторые авторы склонны говорить о формальной выводимости как центральной проблеме грамматического словообразования [5, с. 533]. Действительно, грамматический статус словообразовательного анализа предполагает опору на какие-то формальные признаки, и отсутствие в грамматическом слове показателя производности равносильно отсутствию самой производности. По мнению Е. С. Кубряковой, при сравнении английских слов *thief* и *inventor* обнаруживается, что только во втором случае сема «тот, кто» имеет форму выражения, отличную от семы «действовать», и, таким образом, именно поверхностная морфологическая структура является ключом к истолкованию производного слова [13, с. 18]. Все это верно, однако для того, чтобы получить сформулированную Е. С. Кубряковой характеристику слова *inventor*, необходимо прежде всего сравнить его с семантически соотносительным *invent*, имея при этом в виду, что слово *thief* не допускает подобного сопоставления. Из этого следует, что процедура словообразовательного анализа как предполагающая сравнение значимых сущностей по самой своей природе не может быть чисто формальной. Она должна ориентироваться на формально-семантическое соотношение исходного и производного слов: нельзя считать, что *ворона* мотивировано словом *вор* (связь только формальная), нельзя считать, что *портной* мотивировано через *шить* (соотношение чисто семантическое) [25]. Другое дело, что возможны случаи несовпадения семантической и формальной производности: семантически *качать* сложнее, чем *качаться*, а морфологически — наоборот [26], нем. *Schäferei* «овчарья» семантически производно от *Schäf* «овца», формально же — от *Schäfer* «пастух» [27]. Во вьетнамском языке подобные примеры не встречаются.

Понятие производного слова неразрывно связано с понятием словообразовательной модели, т. е. схемы построения производных слов, харак-

теризуемой единым формальным средством и единым словообразовательным значением (в этом определении объединены обычно разграничиваемые в отечественном языкознании понятия словообразовательной модели и словообразовательного типа). Возможна омоимия словообразовательных средств, а тем самым и словообразовательных моделей: немецкий словообразовательный суф. *-er* может передавать значение лица — *Lehrer*, неодушевленного предмета — *Wecker*, абстрактного понятия — *Seufzer* [28].

В формальном плане деривационная морфема характеризуется единственностью своей внутрисловной позиции и способностью обслуживать более или менее обширные разряды слов, во всяком случае, не единичные примеры. В семантическом же плане существенно то, что значение производного слова не может быть истолковано по формуле «значение исходной единицы, но с некоторой оговоркой», ср. [29], хотя деривационная морфема и создает единое изменение лексических значений исходных слов, к чему и сводится словообразовательное значение соответствующей модели. Например, словообразовательная семантика русских слов типа *писатель*, *учитель* может быть обозначена как «тот, кто» или «лидо-деятель» [30]. Во вьетнамском языке та же словообразовательная семантика передается деривационной морфемой *nhà²*, присоединяемой, правда, не к глаголам, а к существительным: *chinh⁵ tri⁶* «политика» → *nhà² chinh⁵ tri⁶* «политик», *khóa¹ hoc⁶* «наука» → *nhà² khóa¹ hoc⁶* «ученый». Авторы книги «Вьетнамский язык» наряду с морфемой *nhà²* приводят еще морфему *-gia⁴* с тем же значением [6, с. 55], однако интерпретация последней как аффикса имеет явно диахроническую ориентированность: в современном вьетнамском языке *-gia⁴* употребляется в сочетании со связанными морфемами (*tac⁶ gia⁴* «автор», *đọc⁶ gia⁴* «читатель»...) и не образует синхронически производных слов.

В книге «Вьетнамский язык» упоминается также деривационная морфема *-hoa⁵* [6, с. 55], передающая близкое к каузативному значению «осуществлять такое-то положение вещей»: *công¹ nghiệp⁶* «промышленность» → *công¹ nghiệp⁶ hoa⁵* «индустриализировать/индустриализация», *điêp⁶ khi⁵* «электричество» → *điêp⁶ khi⁵ hoa⁵* «электрифицировать/электрификация». Соглашаясь с утверждениями авторов относительно этой морфемы, заметим, однако, что она может быть и корневой, как в примере *Au¹ hoa⁵* «европеизировать/европеизация», *đông² hoa⁵* «ассимилировать/ассимиляция».

Вообще количество вьетнамских деривационных морфем исчисляется единицами, и к названным выше можно добавить разве что еще несколько. Например, морфема *đanh⁵* образует переходные глаголы от глаголов переходных и от прилагательных: *ro¹ i⁶* «падать» → *đanh⁵ ro¹ i⁶* «уронить», *bân⁴* «грязный» → *đanh⁵ bân⁴* «запачкать». Круг предикативов, сочетающихся с *đanh⁵*, ограничен нормативно, и во всех случаях своего употребления эта деривационная морфема допускает замену более употребительной морфемой *lam²* «делать», тогда как обратная замена возможна далеко не всегда [31, с. 54]. Морфема *lam²* «делать» интересна в том отношении, что будучи свободной, обладает полным или почти полным набором внутрисловных функций: репрезентируя отдельное слово — каузативный глагол, она выступает в функции корня (*Tôi lam² anh¹ buôn²* «Я делаю тебя печальным»), но сохраняя то же значение, становится деривационным аффиксом в примерах типа *hu¹* «испорченный» → *lam² hu¹* «портить», *giàu²* «богатый» → *lam² giàu²* «обогащать». В ряде случаев одна и та же семантика может быть выражена и каузативной конструкцией, и переходным глаголом с деривационной морфемой *lam²*; ср.: *lam² tôi¹ nhúc⁶* «унизить меня» (сделать меня униженным); *lam² nhúc⁶ chúng⁵ ta¹* «унизить нас» [31, с. 55].

V. Повтор и удвоение

Повторами являются слова типа *đẹp⁶ đẹp⁶* «красивый», состоящие из корневой морфемы (*đẹp⁶* «красивый») и некоторой ее фонетической модификации (*đẹp⁶*), лишенной значения. Эти части повтора будем именовать соот-

ветственно редупликантом и редупликатором — терминами, принятыми в коллективной монографии о повторах в языках Юго-Восточной Азии [32]. К повторам не относятся слова, существующие только в удвоенной форме (*ba¹ ba¹* «черепаха», *đu¹ đu¹* «папайя» и т. д.): не имея соотносительного исходного варианта, подобные слова не входят в компетенцию синхронического словообразования. С другой стороны, поскольку семантическая соотносительность с исходным словом, сопровождающая соотносительность формальной, есть необходимое условие словообразовательного анализа всех вторичных единиц, повтор до тех пор сохраняет связь с исходным словом, пока исходное слово может участвовать в семантическом толковании повтора, например⁵: *nho⁴* «маленький» → *nho⁴ nhān⁵* «миниатюрный» (*nho⁴ va² xinh¹* «маленький и приятный»), *nho⁴* «маленький» → *nho⁴ nhāt⁶* «незначительный» (*be⁵ nho⁴ vun⁶ vāt⁶* «маленький и несерьезный»). Если же единица с фонетическими признаками повтора настолько оторвалась по значению от исходного слова, что оно не может быть включено в ее семантическое толкование, то такая единица становится простым (непроизводным) словом: *nho⁴ nhen¹* «подлый» (*hep⁶ ho¹ va² hay¹ chāp⁵ nhāt⁶*, *hay¹ thu² vāt⁶* «ограниченный и злопамятный, мстительный»).

Строение редупликатора, в какой-то мере предопределяемое строением корня, лежит в основе подразделения повторов на две разновидности: инициальные — в редупликаторе повторяется инициаль корневой морфемы (*lam²* «делать» → *lam² lung⁶* «трудиться») и финальные — повторяется финаль корня (*kē⁴* «рассказывать» → *kē⁴ lē⁴* «аудно рассказывать»). Тон редупликатора также в известной мере предопределяется тоном исходной морфемы (подробнее см. [34, с. 66—67]), однако несмотря на то, что строение редупликатора не произвольно, невозможно в каждом конкретном случае однозначно предсказать его фонетический облик.

Грамматическая природа редупликатора — пожалуй, основной теоретический вопрос, возникающий в связи с анализом повторов. Если исходить из того, что морфемам как единицам, обладающим двусторонней (формально-семантической) выделяемостью, противостоят субморфы — единицы, выделяемые только формально, то редупликатор по своему статусу в морфемике — типичный пример субморфа [8, с. 84]. Что же касается функционального аспекта, то присоединяясь к исходному слову, редупликатор сигнализирует образование нового слова, в чем-то отличного от исходного. В самом общем виде грамматические отличия повтора от исходного слова сводятся к следующим: для существительных — переход в подкласс собирательных (*may⁵* «машина» → *may⁵ toc⁶* «разного рода машины и механизмы»), для глаголов — переход в подкласс интранзитивных (*lam²* «делать» → *lam² lung⁶* «трудиться»), для прилагательных — утрача способности иметь выраженное существительным уточнение (ср.: *đep⁶* «красивый» при возможности *đep⁶ māt⁵* «приятный для глаз», *đep⁶ ngu'o'i²* «внешне красивый», но: *đep⁶ de³* «красивый») [35, с. 203]. Грамматическим отличиям соответствуют семантические. Например, *lanh⁵* «холодный» употребляется и в прямом, и в переносном смысле, тогда как *lanh⁶ leo³* «холодный» — только в прямом, а *lanh⁶ lung²* «холодный» — только в переносном: *māt⁵ gian¹ phong² lanh⁶ leo³* «холодная комната»; *māt⁵ thai⁵ đō⁶ lanh⁶ lung²* «холодное отношение» [23, с. 285]; интересные данные о семантике повторов см. также в [36, с. 245—246, 254—256].

Образуя новые слова с непредсказуемыми, нерегулярными семантическими отличиями от исходных, редупликатор функционирует как специфическое словообразовательное средство — словообразовательный субморф. Широким использованием этого словообразовательного приема с лихвой компенсируется слабое развитие морфологического словообразования во вьетнамском языке. Как уже отмечалось выше, возможно различное понимание производного слова. При широком его определении повтор вполне может быть подведен под это понятие [36, с. 244], однако более целесообразно, придерживаясь узкого понимания производного слова, контрастно противопоставить его повтору для лучшего уяснения грамма-

⁵ Приводимые ниже толкования — из [33].

тической специфики последнего: производное слово — сочетание корневой морфемы с морфемой словообразовательной, передающей регулярное значение соответствующей модели; повтор — сочетание корневой морфемы с уникальным словообразовательным субморфом при строго индивидуальной семантической соотнесенности с исходным словом.

В связи с вопросом о повторах целесообразно рассмотреть грамматический статус удвоений. Начнем с удвоений морфемных, т. е. таких, когда соответствующей процедуре подвергается значимая часть (корень) исходной единицы. Они могут быть полными и дивергентными. В первом случае исходная морфема повторяется в неизменном виде (*đep*⁶ «красивый» → *đep*⁶ *đep*⁶ «красивый-красивый»), во втором — с некоторыми фонетическими изменениями, переводящими ее в ранг субморфа: *đep*⁶ «красивый» → *đem*² *đep*⁶ «довольно красивый» [34, с. 56—58].

Существительные образуют только полные удвоения, передающие идею раздельительной множественности: *ngu'o'i*² «человек» → *ngu'o'i*² *ngu'o'i*² «каждый человек. люди», *nha*² «дом» → *nha*² *nha*² «каждый дом». Только полные удвоения со значением многократности действия возможны для некоторых семантических рядов глаголов действия: *viđt*⁵ «гладить» → *viđt*⁵ *viđt*⁵ «поглаживать», *gai*³ «чесать» → *gai*³ *gai*³ «почесывать». Глаголы не-действия в зависимости от своего фонетического облика образуют либо полные, либо дивергентные удвоения (подробнее см. [34, с. 57]), всегда, однако, передавая значение ослабления признака: *lo*¹ «беспокоиться» → *lo*¹ *lo*¹ «слегка беспокоиться», *so*¹⁶ «бояться» → *so*¹² *so*¹⁶ «побаваться». Сложнее обстоит дело с прилагательными: прилагательное в верхнем ровном или верхнем нисходящем тоне может образовывать только полные удвоения, в зависимости от контекста передающие ослабление или усиление признака: *hay*¹ «интересный» → *hay*¹ *hay*¹ «довольно интересный/страшно интересный»; во всех остальных тонах полное удвоение прилагательного обозначает усиление признака, тогда как семантика дивергентного удвоения в известной мере связана с местоположением субморфа относительно исходной морфемы: идея ослабления передается только препозицией субморфа (*heo*⁵ «увядший» → *heo*¹ *heo*⁵ «слегка увядший»), а идея усиления не связана жестко с его местоположением; ср.: *con*¹ «маленький» → *con*¹ *con*¹ «очень маленький»; *heo*⁵ «увядший» → *heo*⁵ *heo*⁶ «совсем увядший» [37]. Кроме того, только дивергентные удвоения со значением усиления могут включать более одного субморфа: *heo*⁵ «увядший» → *heo*⁵ *heo*⁶ «совсем увядший» → *heo*⁵ *heo*⁴ *heo*² «совсем-совсем увядший» → *heo*⁵ *heo*⁴ *heo*² *heo*¹ «совсем-совсем-совсем увядший» [37].

Наряду с морфемными удвоениями во вьетнамском языке широко распространены удвоения субморфиме, когда соответствующей процедуре подвергается не корень, но словообразовательный субморф исходной единицы, причем субморфные удвоения также подразделяются на полные и дивергентные. Например, от прилагательного *đen*¹ «черный» с помощью субморфа *si*² образуется слово *đen*¹ *si*² «чумазый», полное субморфное удвоение которого дает единицу *đen*¹ *si*² *si*² «чумазый-чумазый». От прилагательного *tho*¹ «приятно пахнущий» с помощью субморфа *phu*⁵ образуется слово *tho*¹ *phu*⁵ «ароматный», дивергентное субморфное удвоение которого дает единицу *tho*¹ *phu*⁵ *ng*¹ *phu*⁵ «ароматный-ароматный»^{6,1}.

Вьетнамский материал хорошо подтверждает положение, что удвоение в первую очередь связано с идеей меры и количества, модифицируемой по отношению к разным видам лексических значений [38]. Подтверждается этот тезис и на материале других языков Юго-Восточной Азии, привлекаемых к рассмотрению в упоминавшейся выше коллективной монографии о повторах, поэтому типологически неоправданными представляются отдельные попытки рассматривать количественное значение удвоений как производное от какого-то более общего, см., например [39]. Наоборот, некоторые разновидности количественных значений могут в конкретных контекстах осложняться значениями субъективной оценки, иногда вы-

⁶ Обширный материал по самым разным типам удвоения см. в [35, с. 179—190].

ступающими на передний план. Так, ослабление признака легко переходит в неопределенность или ласкательность.

Возвращаясь к принятому в данной работе определению грамматического слова, следует отметить, что в плане чисто формальном все разновидности удвоенный представляют собой нарушение тождества слова, причем полное морфемное удвоение внешне выглядит как словосложение, дивергентное — как повтор, а субморфные удвоения не имеют подобных аналогов. Правда, в отличие от «настоящего» словообразовательного материала, где мы имели дело с формально-семантическим нарушением тождества слова, в удвоенных представлено усложнение иерархической организации исходной единицы, не сопровождаемое изменением ее лексического значения, так что семантика удвоенный допускает истолкование по формуле «исходное значение + некоторая количественная модификация». При таком положении вещей решение вопроса о грамматическом статусе удвоенный полностью переносится в семантическую сферу и сводится к тому, принимается ли «простецкая» поправка на семантику, учитывающая регулярность и чисто количественный характер создаваемого удвоенным дополнительного смысла. Думается, что принятие этой поправки, ведущей к словозаменительной трактовке удвоенный, вполне оправдано присутствием лексического значения в исходном определении слова, имеющем в виду, что в сфере значимых единиц учет семантического инварианта оказывается на каком-то этапе исследования неизбежным. В прагматическом же плане такая поправка позволяет избежать конфликта с традиционным подходом и привести интерпретацию вьетнамского материала в соответствие с реально существующим пониманием словоизменения. Любопытно, однако, что лексикографическая практика не склонна считаться с семантикой удвоенный, трактуя последние как лексические (словарные) единицы. И. И. Глебова и А. Н. Ситникова отмечают, что в словаре под ред. Ван Тона фиксируются, хотя и без должной последовательности, некоторые полные удвоения [34, с. 57]. Фиксируются в нем и различные типы дивергентных удвоенный, и тоже не вполне последовательно: приводятся, к примеру, удвоения *trăng¹ trắng⁵* «беловатый» (*trăng⁵* «белый»), *yêu¹ yêu⁵* «слабоватый» (*yêu⁵* «слабый»), но отсутствуют *đỏ¹ đỏ⁴* «красноватый» (*đỏ⁴* «красный»), *so¹, so⁶* «побавиваться» (*so⁶* «бояться»). В монографии Хо Ле, трактующей вопросы словообразования с осязанным лексикологическим уклоном, удвоения также не рассматриваются как формы слова [23, с. 106—107]. Похоже, что лексикология и лексикография с обычными для них сомнениями и колебаниями все-же пытаются, каждая на свой манер, отмежеваться от простецкой грамматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 46.
2. Яхонтов С. Е. О значении термина «слово». — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963, с. 166.
3. Яхонтов С. Е. Метод исследования и определение исходных понятий. — В кн.: Квазитипативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982, с. 14.
4. Панфилов В. С. Исходные понятия вьетнамского синтаксиса. — ВЯ, 1984, № 1.
5. Яно-Тришницкая И. Членность основы русского слова. — ИАН СЛЯ, 1968, № 6.
6. Солнцев В. М., Лекиничев Ю. К., Мзитарян Г. Т., Глебова И. И. Вьетнамский язык. М., 1960.
7. *Nguyễn³ Hu¹ Thu¹. Thu¹ tim² y⁵ nghĩa³ cua⁴ nhu¹ng³ tiêng⁵ đê⁶ lot⁵ trong¹ môt⁴ sô⁵ thê⁴ loai⁵ đâ¹ ca¹ Viê⁶ Nam¹. — In: Giu¹⁸ giu¹⁰ trong¹ sâng⁴ cua⁴ tiêng⁶ Viê⁶ vâ² mât⁴ tu² ngu³. Hà² Nôi⁶, 1981, tr. 158.*
8. Панфилов В. С. Вьетнамская морфемика. — ВЯ, 1985, № 4.
9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914, с. 22.
10. Щерба Л. В. Избранные работы по языковедению и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
11. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 84.
12. Максимов В. И. О соотношении морфологического анализа в современном и этимологическом плане. — ИАН СЛЯ, 1972, № 5, с. 422.
13. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М., 1981.
14. *Nguyễn³ Kim¹ Than¹. Nghiê¹ cu¹ vâ² ngu¹³ phap⁵ tiêng⁶ Viê⁶. Tâ⁶ I. Hà² Nôi⁶, 1963, tr. 101—105.*
15. Востров И. С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н. В. Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.

16. *Левковская К. А.* Об особенностях так называемых определительных сложных существительных в немецком языке.— В кн.: Сборник статей по языкознанию. М., 1961.
17. *Ахманова О. С.* О применении сравнительно-исторического метода в области словообразования (на материале германских языков).— В кн.: Сборник статей по языкознанию, с. 65.
18. *Солнцев В. М.* Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков).— В кн.: Языки Юго-Восточной Азии. М., 1970, с. 17.
19. *Лопатин В. В.* Так называемая интерфасияция и проблемы структуры слова в русском языке.— ВЯ, 1975, № 4, с. 36.
20. *Проклчук А. А.* Синтаксис словосочетаний и «синтаксис» производных слов.— В кн.: Структура предложения и классы слов в романско-германских языках. Вып. 2, XXIII (XIII). Калинин, 1973, с. 100.
21. *Яхонтов С. Е.* Основные понятия грамматики изолирующих языков. В кн.: Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 2. М., 1982, с. 162.
22. *Nguyễn³ Du'⁶ Du'o'ng¹.* Vai² net⁵ vè² nhu'ng³ tô⁴ ho'p⁶ gôm² hai¹ yêu⁶ to⁵ trai⁶ nghĩa² trong¹ tiếng⁵ Việt⁶.— Ngôn¹ ngu'³, 1971, no 2, tr. 27.
23. *Hô² Lê¹.* Văn² đê² câu³ tao⁶ tu'² của⁴ tiếng⁵ Việt⁶ hiên⁶ đại⁶. Ha² Nôi⁶, 1976.
24. *Литман Р. И.* К вопросу об основных понятиях словообразования.— ИАН СЛЯ, 1973, № 2, с. 138.
25. *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977, с. 6.
26. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974, с. 277.
27. *Мурасов Р. В.* О направлении производности и тождестве деривационных морфем.— ВЯ, 1977, № 6, с. 120.
28. *Степанова М. Д.* Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей.— ВЯ, 1975, № 4, с. 54.
29. *Милославский И. Г.* О регулярном приращении значения при словообразовании.— ВЯ, 1975, № 6, с. 66.
30. *Улужанов И. С.* О словообразовательной категории.— ИАН СЛЯ, 1975, № 1, с. 27.
31. *Nguyễn³ Kim¹ Than⁴.* Đông⁶ tu'² trong¹ tiếng⁵ Việt⁶. Ha² Nôi⁶, 1977.
32. *Алиева Н. Ф.* Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии.— В кн.: Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов. М., 1980, с. 8.
33. *Tu'² điên⁴ Việt⁶ Nam¹.* Văn² Tân⁴ chu⁴ biên¹. Ha²Nôi⁶, 1967.
34. *Глебова И. И., Ситникова А. Н.* Грамматическая классификация неосложненных повторов в современном вьетнамском языке.— В кн.: Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов.
35. *Đai⁶ Худн¹ Ninh⁴.* Hoat⁶ đông⁶ của⁴ tu'² tiếng⁵ Việt⁶. Ha² Nôi⁶, 1978.
36. *Ситникова А. Н.* К характеристике значений частных мотивированных повторов в современном вьетнамском языке.— В кн.: Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов.
37. *Nguyễn³ Phú⁶ Phong¹.* Vê² vân⁵ đê² lay⁵ tu'² trong¹ tiếng⁵ Việt⁶.— Ngôn¹ ngu'³, 1977, no 2, tr. 62.
38. *Оглоблин А. К.* Материалы по удвоению в мадурском языке.— В кн.: Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов, с. 173.
39. *Nguyễn³ Du'⁶ Du'o'ng¹.* Vê² cac⁵ tô⁴ ho'p⁶ song¹ tiêt⁵ tiếng⁵ Việt⁶.— Ngôn¹ ngu'³, 1974, no 2, tr. 29—30.